УДК 81.347.78.034; 81’25
DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-127-141

Лингвокультурема как маркер идентичности (на примере перевода на английский язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»)

О. А. Нестерова [1], Е. Н. Соколова [2]

[1] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Москва, Россия

[2] *Московский государственный лингвистический университет*
Москва, Россия

Аннотация

Раскрываются особенности передачи лингвокультурем при переводе на английский язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». Лингвокультуремы в оригинальном тексте романа выражают этно- и социокультурную идентичность главной героини Зулейхи. Создавая эквивалент оригинала, переводчик Лиза Хейден использует различные виды адаптивного транскодирования в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации. Особенностью перевода являлось двойное транскодирование с учетом трех языков: татарского, русского, английского. Татарские слова и выражения, выражающие национально-культурные смыслы, формируют культурный фон романа и часто не имеют эквивалентов и соответствий в английском языке. В ходе сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода исследуются такие группы лингвокультурем, как названия членов этнокультурного сообщества и виды обращения к ним, имена мифологических и религиозных персонажей; названия повседневных предметов и утвари, обозначения элементов интерьера крестьянской усадьбы, мебели и одежды. С помощью лингвокультурем в романе передаются особенности исторического времени России 1920–1930-х гг., отношения внутри патриархальной семьи, традиционные ценности локального этнокультурного сообщества и социально-политические реалии. В процессе перевода на английский язык сложная иерархия концептуально-смысловых и образных пластов романа претерпевает различную степень трансформации. Внешний уровень повествования (фабула) и многие сюжетные линии передаются на английском языке без существенных смысловых потерь. Общечеловеческие проблемы, представленные с помощью архетипов (борьба добра со злом, борьба за выживание, поиск и обретение любви, взаимоотношения отцов и детей, чудесное спасение), вызывают отклик в сердцах англоязычных читателей вне зависимости от их речевого и социокультурного опыта. Внутренние уровни содержательной структуры, выражающие с помощью лингвокультурем особенности социальных отношений и взаимодействий, специфику этнокультурного и религиозного укладов жизни, этнопсихологические установки, «зашифрованы» для иноязычного читателя и доступны в полном семантическом объеме лишь носителям социальной, духовно-религиозной или этнической культуры. Авторы статьи подчеркивают, что в переводе на английский язык национальный культурный колорит и этнокультурные ценности не исчезают, но становятся вторичными, и при этом нивелируется «интимность» и уникальность мироощущения героини. Переводной текст становится самостоятельным произведением, ориентированным на другую лингвокультуру и другую аудиторию с учетом ее ожиданий и ментальности.

Ключевые слова

лингвокультурема, Г. Ш. Яхина, «Зулейха открывает глаза», идентичность, перевод, межкультурная коммуникация

Для цитирования

Нестерова О. А., Соколова Е. Н. Лингвокультурема как маркер идентичности (на примере перевода на английский язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 127–141. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-127-141

© О. А. Нестерова, Е. Н. Соколова, 2021

Linguocultureme as a Marker of Identity (Based on English Translation of the Novel *Zuleikha* by G. Yakhina)

Olga A. Nesterova [1], **Elena N. Sokolova** [2]

[1] *National Research University "Higher School of Economics"*
Moscow, Russian Federation

[2] *Moscow State Linguistic University*
Moscow, Russian Federation

Abstract

The article reveals the decoding mechanisms of linguoculturemes occurring in the translation of the novel "Zuleikha opens her eyes" by G. Yakhina into the English language. In the original text of the novel linguoculturemes express ethnical and socio-cultural identity of the main character Zuleikha. Working on the translation of the novel Lisa Hayden, the translator, uses different types of adaptive transcoding for inter-language and intercultural communication. The translation is characterized by double transcoding that is based on three languages: Tatar, Russian and English. Tatar words and expressions with explicit national cultural elements form a cultural background in the novel and often have no equivalents or definitions in the English language. The comparative analysis of the original text and its translations highlight a number of different groups of linguoculturemes, such as terms for members of ethno-cultural community and types of address, names of mythical and religious characters, names of objects, elements of interior design of a peasant's home, pieces of furniture, and clothes. Linguoculturemes also help to recreate the historical atmosphere in Russia in the 1920–1930s, as well as the relationships in a traditional patriarchal family, conventional values of a local ethno-cultural community and socio-political realia depicted in the novel. A complex hierarchy of contextual image levels of the novel in the process of translation of the novel. The outer level of the story (the plot) is being transformed and many story lines are translated into English without any significant semantic change. Universal human problems represented via archetypes are well received by the English-language readers regardless of their language and socio-cultural background. The inner levels of the story expressing specific social relationships and interactions, ethnocultural, religious, and ethnopsychological stands with the help of linguoculturemes appear to be "encoded" for readers with different language backgrounds, but open in their complete semantic value to the bearers of the given social, religious and ethnical cultures. The authors' message is that the English translation of the text does not lack in national cultural identity or ethnocultural values, it is just that these values become secondary and, as a result, harm the intimacy of the unique world perception of the main character.

Keywords

linguoculturememe, G. Yakhina, *Zuleikha*, identity, translation, intercultural communication

For citation

Nesterova, Olga A., Sokolova, Elena N. Linguoculturememe as a Marker of Identity (Based on English Translation of the Novel *Zuleikha* by G. Yakhina). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 127–141. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-127-141

Произведения художественной литературы занимают особое место в сфере межкультурной коммуникации: в процессе перевода на другой язык когнитивное и образно-символическое пространство текста, созданного на языке оригинала, переформатируется в соответствии с иноязычными концептуально-когнитивными тезаурусами и инокультурным историческим и коммуникативным опытом. Переводной текст является своеобразным «мостом между двумя культурными сознаниями» [Тростников, 2001. С. 570]. Если культуры существенно различаются между собой по лингвистическим и экстралингвистическим параметрам, возникают трудности в передаче ментальных концептов, выражающих основные особенности этнокультурной картины мира, представленной в тексте оригинала [Kazakova, 2016]. Эти трудности усиливаются при переводе текста с включенной в него *третьей* лингвокультурой, выражающей культурную идентичность автора и его персонажей.

Татарские литераторы создают свои произведения как на национальном, так и на русском языке: «Существование двух ветвей "национальной литературы татар" (татароязычной и русскоязычной) – сложившаяся реальность» [Ибрагимов, 2018. С. 93]. Опосредованный

русским языком перевод их сочинений на другие языки мира неизбежно приводит к появлению феномена «третьей культуры», которая по-разному идентифицируется в различных лингвокультурных пространствах. В англоязычных странах собственно татарскую культуру соотносят с русской, тюркской или мусульманской [1], а западные специалисты по изучению России (за исключением антропологов), как правило, не выделяют культуру татар в качестве особой предметной области в общем контексте освещения социокультурного и историко-политического развития страны [Berlin, 2016; Figes, 1997; Hosking, 1992; Lewin, 1968; Moss, 2005; Remington, 1984; Service, 1999]. В России татарская культура и литература известна и воспринимается как «другая», но достаточно близкая, в силу продолжительной межкультурной коммуникации [Amineva, 2015; Ganiyeva, 2002; Nigmatullina, 1997].

В поисках идентичности постсоветская татарская литература разработала новые дискурсы (исторический, мифологический, неоромантический), заменив ранее существовавшую идею этнической самотождественности на постмодернистскую «множественность» («мозаичность») [Ибрагимов, 2018. С. 95]. Новое поколение татарских писателей, пишущих по-русски (И. Абузяров, Р. Бухараев, Д. Валеев, Р. Кутуй, Ш. Идиатуллин, Г. Яхина и др.), по мнению исследователей, создают новую «литературную идентичность» [Там же. С. 88], которая соединяет этнокультуроцентризм с открытостью межкультурному диалогу. Их произведения ориентированы как «на русскоязычного читателя, зачастую мало знакомого с историей народов России, их традиционной культурой» [Там же. С. 89], так и на зарубежную аудиторию, знающую о татарской культуре еще меньше. Г. Яхину называют писателем «культурного пограничья», который творит на стыке языков, литератур и культур [Там же. С. 90], стимулирует интерес к татарам у читателей других национальностей и способствует интеграции русскоязычных татар в пространство их родной культуры [Там же. С. 93]. История, мифология, сакральная и бытовая культура татарского народа выражается в ее текстах с помощью лингвокультурем.

Перевод на другой язык лингвокультуремы (ЛК), понимаемой как «диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет)» [Воробьев, 2008. С. 45], является важной проблемой, имеющей не только практическое, но и теоретическое значение. ЛК, выражающие этнокультурные особенности, сопряженные с прецедентными текстами и их «родными» контекстами, далеко не всегда передаются при переводе на язык другой культуры. Этносемантическая концепция рефракции информации позволяет выявлять причины и механизмы асимметричных процессов, возникающих при передаче культуральной информации [Фефелов, 2018. С. 170]. Этносемантическая рефракция, рассматриваемая как естественное свойство культурно-языковой среды [Там же. С. 200], в наиболее полном смысле понимается как «***предсказуемый сдвиг*** в интерпретации и рецепции значений, культурно детерминированных понятий (культурем, культуронимов), возникающих при переводческой релокации любого дискурса или макрознака в новую культурную среду со своей иерархией этических, идеологических, общественных, религиозных ценностей» [Там же. С. 199–200]. Происходит неизбежное преломление исходных смыслов и культурных концептов (вплоть до их исчезновения) в призме мировоззренческой и этико-эстетической парадигмы культуры-реципиента.

Зарубежные исследователи уделяют внимание функциональной ценности переводческих механизмов передачи семантической полноты текста [Şebnem, 2010], переосмыслению меж-

[1] Долгие годы татарские интеллектуалы обсуждают проблему национальной идентичности, подчеркивая, что этноним «татары» точнее выражает сущность идентичности, нежели «тюрки» и «мусульмане» [Ибрагимов, 2018. С. 13–40]. В англоязычных энциклопедиях татары позиционируются как *тюркоговорящий* народ: «any member of several Turkic-speaking peoples» (Tatar Language – URL: https://www.britannica.com/topic/Tatar), и подчеркивается влияние на их культурное развитие древних литературных памятников (например, поэма «Кыйсса-и Йосыф» («Сказание о Юсуфе») Кул Гали, написанная на огузском языке): “The 13th-century poem by Kol-Gali called "A Tale about Yusuf" was well-known far from Bulgar lands and greatly influenced the development of Bulgarian and Tatar literature” (Tatars. Cultural Heritage – URL: https://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/anthropology-and-archaeology/people/tatars).

культурного диалога, в рамках которого, по их мнению, естественным образом усваиваются и осваиваются ЛК [Figuera, 2016], что свидетельствует об идеализации целей и механизмов межкультурной коммуникации в контексте идей «понимания» и «принятия» ценностей «другого». В рамках сравнительно-сопоставительного анализа выявляются механизмы рефракции содержания в текстах различного типа, в том числе и в поликодовых текстах [Фефелов, 2016; 2018. С. 201–211]; изучается «смысловое смещение языковой номинации» [Елисеева, 2013. С. 67]; исследуются особенности этнокультурной гетерогенности в текстах писателей-билингвов и в переводах их произведений на язык «третьей культуры» [Кривцова, Филиппова, 2020].

Критически осмысляя методологические основы и категориально-понятийный аппарат современного англоязычного переводоведения, А. Ф. Фефелов обращает внимание на трудноразрешимый культурный диссонанс при переносе культурных реалий из одной языковой среды в другую, вследствие возникновения коллизий между знаковыми кодами, формирующими произведение, что препятствует их перемещению в пространство «третьей культуры» [Фефелов, 2018. С. 366]. В принимающей культуре становится излишним «идиоэтническое, часто *фоновое* значение культуронимического ряда, которое, как правило, имеет смысл только в исходной культуре» [Там же. С. 321].

Функциональный спектр ЛК широк: от создания этнокультурного, исторического, социального фона и выражения этнопсихологических характеристик героев до формирования базовых сюжетных, философских, художественно-концептуальных основ и подтекстовой структуры. Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» [2018] характеризуется смысловой универсальностью фабулы и специфичностью сюжетообразующего этнокультурного компонента, имеющего при передаче на английский язык минимум полных или частичных соответствий. На примере сопоставительного анализа оригинала с переводом текста на английский язык [Yakhina, 2019], мы поставили себе цель выявить особенности переводческой релокации этно- и социокультурного дискурса, играющего в тексте оригинала концептуальную и сюжетообразующую роль и выражающего этно- и социокультурную идентичность главной героини.

Роман «Зулейха открывает глаза» стал событием сразу после его публикации в 2015 г. не только в России, но и в мире. К 2017 г. роман был переведен на 18 языков и обладает внушительной коллекцией зарубежных премий. Сюжетная линия развивается на фоне драматических событий в Советской России 20-х – 30-х гг. XX в.: коллективизации, раскулачивания и противостояния зажиточного крестьянства власти большевиков. Главная героиня Зулейха, неграмотная и робкая женщина, подвластная невестка из зажиточной крестьянской семьи татар, оказывается сначала под гнетом мужа и свекрови, а затем в качестве «перемещенного лица» в сибирском поселении. Героиня проходит через тяжкие испытания, спасая себя и своего ребенка, встречает любовь, обретает смысл в жизни и раскрывается как сильная личность, сохранив татарскую культурную идентичность.

Насыщение романа этнокультурными концептами, безусловно, является *ценностным приоритетом* Г. Яхиной, повествующей о судьбе *татарской* женщины, которая в трагической жизненной ситуации черпает духовные силы из родников *своей* культуры и для которой социокультурные маркеры являются не просто внешними атрибутами пространственно-временного континуума ее существования, а обозначают глубину ее мировоззренческого кризиса. Идентичность Зулейхи проявляется в осознании ею принадлежности и к этнокультурному (и религиозному) сообществу, и к социальной группе. В отличие от установок автора, *ценностным приоритетом* переводчика явилось эмоциональное восприятие фабулы романа, сопереживание описываемой истории: Лиза Хейден (Lisa C. Hayden) подчеркивала силу и глубину воздействия произведения, отмечая, что это не только «исторический роман о сложных временах советской эпохи, но и очень лиричное повествование с впечатляющим описанием природы, способным тронуть душу. Мне нравится переводить книги, заставляю-

щие меня плакать» [2]. Наблюдаемая разнонаправленность установок автора и переводчика не могла не привести к семантической асимметрии, которая в данном случае детерминирована и рефракцией в переводческом сознании (индивидуальная интерпретация сюжетной линии Лизой Хейден), и рефракцией в системе общих мировоззренческих координат инокультурной среды. Интерпретационная читательская установка сформулирована издательством Oneworld:

> Zuleikha, the 'pitiful hen', is living in the home of her brutal husband and despotic mother-in-law in a small Tatar village. When her husband is executed by communist soldiers for hiding grain, she is arrested and sent into exile in Siberia. In the first grueling winter, hundreds die of hunger, cold and exhaustion. Yet forced to survive in that harsh, desolate wilderness, she begins to build a new life for herself and discovers an inner strength she never knew she had. Exile is the making of Zuleikha [Yakhina, 2019].

В этом анонсе романа намечена система координат рецепции текста: подвластная женщина, страдающая от жестокого мужа и деспотичной свекрови, насильно отправлена в страшную Сибирь [3], где находит силы к выживанию и самосохранению. Этнокультурный маркер *Tatar village* воспринимается, тем не менее, как второстепенный по отношению к сюжету, что подтверждается отзывами читателей, которые на интернет-форумах отмечали прежде всего захватывающий сюжет, драматизм коллизий [4]; обращали внимание на более точный, чем при переводе, заголовок оригинала ("*Zuleikha Opens Her Eyes*" (подчеркнуто нами. – *О. Н., Е. С.*)), который выражает авторскую концепцию главного образа, «объясняет медленное перерождение героини и то, как она обрела свою свободу и смысл жизни, преодолевая трудности» [5]; подчеркивали колоритность образов и описаний, благодаря которым смогли «ощутить жестокую красоту сибирской тайги», узнать, «как велик человек, и как можно выжить, только объединившись с другими»; получили представление «*о некоторых татарских традициях и легендах* (курсив наш. – *О. Н., Е. С.)*» [6]. Очевидно, что читатели, увидев в романе «некоторые» этнокультурные маркеры и поняв, что речь идет не вообще о русских (обобщенное представление обо всех живущих в России), а о представителях особого этноса, тем не менее сконцентрировали (вслед за переводчиком) внимание на описании судьбы человека как универсальной истории, где этнокультурный компонент имеет *фоновое* значение.

Выражение культурной идентичности через призму лингвокультурем и лингвомифологем

Базовые концепты картины мира Зулейхи сформировались в рамках традиционной (народной) татарской лингвокультуры. Важным для понимания образа героини является то, что в самом начале романа она плохо владеет русским языком и часто использует татарские слова и выражения, не имеющие эквивалентов в русском и английском языках. Г. Яхина включает в текст словарь из 56-ти татарских слов и выражений [2018. С. 505–507], обозначающих специфические явления татарской бытовой, социальной и духовной культуры [7], подчеркивая тем самым, что традиционный крестьянский мир Зулейхи, неграмотной, но все-таки культурно просвещенной исламом, – *иноязычный* и *инокультурный*. В англоязычном варианте данный глоссарий отсутствует.

---

[2] Интервью Л. Хейден блогеру С. Массон (Sept. 19, 2016). URL: https://firebirdfeathers.com/2016/09/19/an-interview-with-lisa-hayden-translator-of-laurus/ (дата обращения 22.05.2020).

[3] Об особенностях рефракции образа Сибири см. в [Фефелов, 2016. С. 67–68].

[4] Отзыв Евы (Jun. 26, 2019). URL: https://www.goodreads.com/review/show/2770902299?book_show_action=true (дата обращения 22.05.2020).

[5] Там же.

[6] Отзыв Бъянки Манеа (Feb. 15, 2019). URL: https://www.goodreads.com/book/show/36295979-zuleikha (дата обращения 22.05.2020).

[7] В процентном соотношении бытовая лексика составляет 50 %, духовно-религиозная – 30 и социокультурная – 20 от общего объема авторского словаря.

Многократно воспроизводимые ЛК, выражающие устойчивые элементы народной традиции, становятся знаковыми для данного произведения, поскольку без них невозможно понимание глубинных содержательно-смысловых основ романа. Включенные в ткань оригинального текста сложные лингвистические единицы (ЛК и лингвомифологемы (ЛМ) [8]), с одной стороны, являются важным структурным элементом произведения, позволяющим автору раскрыть семантику и дешифровать исторически и географически локальный материал, а с другой – именно это существенно усложняет работу переводчика, в задачу которого входит целостная и точная передача содержания подлинника равноценными средствами другого языка [Рецкер, 1974. С. 7]. Создавая эквивалент оригинала, Лиза Хейден использует различные виды адаптивного транскодирования в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Поскольку в романе сосуществуют русское и татарское ЛКП, для переводчика Лизы Хейден задача состояла в двойном транскодировании (татарский → русский → английский) с минимальными смысловыми потерями. Она адаптировала для инокультурного восприятия содержание и структуру текста с возможно более полным сохранением символической и семантической нагрузки ЛК и ЛМ. В ткань произведения включены два этнолингвокультурных поля (татарской бытовой культуры и духовно-религиозных верований), элементами которых выступают три типа ЛК, выражающих особенности: 1) традиционной культуры повседневности татар (локальный аспект); 2) духовной культуры тюркоязычных и мусульманских народов (региональный аспект); 3) мифов, общих для нескольких культур и/или имеющих универсальный характер (ЛМ).

Отсутствие у англоязычного читателя необходимых фоновых знаний обусловило необходимость включения в текст перевода соответствующих дополнений и разъяснений, касающихся имен собственных, географических названий, культурно-бытовых реалий. Татарские слова и выражения, используемые в романе, подразделяются на группы: названия людей – членов этнокультурного сообщества и семьи (*абыстай, эни*); виды обращения к различным людям (*ага, жаным, хазрэт, улым*); имена мифологических и религиозных персонажей (*албасты, бичура*); названия ритуалов, обрядов, народных праздников и игр (*кыз-куу, Уразабайрам, кереш, туй*); названия предметов, используемых в повседневной жизни (*лэгэн, тэнке*); обозначение конструктивных архитектурных элементов, элементов интерьера крестьянской усадьбы и мебели (*сяке, табан, тур*); названия предметов одежды (*кульмэк, чыба, кота*). ЛК, формирующие культурный фон романа, не имеют эквивалентов в английском языке, поскольку выражают узко национальные смыслы и понятны только в контексте татарской (и мусульманской) культуры.

В романе Г. Яхиной представлено описание повседневного татарского быта: деревня Юлбаш (место действия первой части романа), деревенская усадьба, в которой живут Зулейха, ее муж Муртаза и свекровь Упыриха [9], убранство дома, хозяйственная утварь, предметы одежды, традиционная еда. Много внимания уделяется традиционным культам и ритуалам. Писа-

[8] В рамках данного исследования мы использует термин «лингвомифологемы» для обозначения особого типа лингвокультурем, выражающих особенности мифов, мифологических образов, символов и сюжетов, присущих как локальной этнической культуре, так и характерных для нескольких культур, объединяемых тесными культурными и языковыми связями в целостную историко-этнографическую область (регион), а также имеющих универсальный характер (аналогии и соответствия в мифологических системах народов мира).

[9] В романе эту женщину никто не называет татарским именем, оно остается неизвестным читателю. Упыриха – кличка, представленная во внутренней речи Зулейхи и в авторском повествовании. Татарское словосочетание *Убырлы карчык* (Упыриха) встречается в тексте дважды: при *первом* упоминании о ней [Яхина, 2018. С. 11] и в *глоссарии* оригинала [Так же. С. 506], что свидетельствует о том, что для автора в этом случае важно просто обозначить особенности лингвокультуры и речемыслительной деятельности Зулейхи (главную роль татарского языка). Во всех остальных случаях используется русское слово «Упыриха», что упрощает восприятие текста русскоязычным читателем (в переводе также *the Vampire Hag* доминирует, а *Ubyrly Karchyk* встречается только один раз [Yakhina, 2019. P. 5]).

тель транслирует культурный код татарского народа и формы традиционного коммуникативного взаимодействия.

При передаче реалий, связанных с особенностями *этнокультурного быта*, переводчик прибегает к общеупотребительным словам *нейтральной* коннотации (ср.: [Яхина, 2018. С. 12, 16–17] и [Yakhina, 2019. P. 6–11]):

Сверху опускает исподнюю рубаху, надевает кульмэк, шаровары. Переплетает косы, накидывает платок [Яхина, 2018. С. 16];
She lowers her nightshirt over it and puts on a smock and baggy wide pants. She braids her hair and throws on a scarf [Yakhina, 2019. P. 10];

…ухмыляется половиной рта Упыриха в предбаннике, позволяя снять с себя заснеженную ягу [10] [Яхина, 2018. С. 31];
...the Vampire Hag smirks with half her mouth, standing in the entryway, allowing her snow-covered coat to be taken off [Yakhina, 2019. P. 25];

Муртаза снимает с головы лохматый малахай [11]… [Яхина, 2018. С. 70];
Murtaza takes the shaggy fur hat from his head… [Yakhina, 2019. P. 63].

Зулейха называет свою свекровь Упырихой, по-татарски *Убырлы карчык*, что означает «кровожадная демоническая старуха, ведьма» [Яхина, 2018. С. 506]. Этот мифологический персонаж, универсальный для многих традиционных культур, обладает устрашающей внешностью, способностью пить чужую кровь, нападать на людей. Демонизация столетней свекрови обусловлена ее необычными способностями: при полном отсутствии слуха и зрения она легко ориентируется в пространстве, ведет длительные беседы с сыном, обладает даром предвидения и видит вещие сны. Упыриха в англоязычном переводе обозначается как *the Vampire Hag*, объединяя слова *Vampire* и *Hag*. Переводчик прибегает к смысловой контаминации для усиления коннотации и семиотической нагрузки: *Vampire* («вампир») обозначает сверхъестественные существа, ожившие трупы, которые по ночам сосут кровь спящих людей [12], а *Hag* («ведьма, карга») – уродливую, злобную, демоническую старуху [13]:

"*Убырлы карчык*" – Упыриха. Зулейха ее так про себя называет [Яхина, 2018. С. 11];
"*Ubyrly Karchyk – the Vampire Hag. That's what Zuleikha calls her, to herself* [Yakhina, 2019. P. 5].

В других случаях переводчик использует прием конкретизации, опуская некоторые детали в переводе, или прибегает к генерализации, заменяя непонятные потенциальному читателю элементы оригинального текста добавочной информацией.

Названия традиционных блюд воспроизводятся на английском языке с помощью транслитерации. Например, «пастила» становится *pastila* [Yakhina, 2019. P. 6], и в тексте оригинала данный трофоним имеет авторское описание и толкование [Яхина, 2018. С. 13]. Наименование и описание «кызылык» (*kyzylyk*) (татарской колбасы из конины) представлено в переводе аналогично:

Зулейха втягивает ноздрями терпкий соленый аромат кызылык. Колбасу лучше прятать в таком месте, где запаха не будет слышно [Яхина, 2018. С. 48];
Zultekha's nostrils draw in the sharp, salty aroma of kyzylyk. It's best to hide this sausage in a place where the smell can't be picked up [Yakhina, 2019. P. 41].

Иногда при переводе происходит *инфляция* символической ценности ЛК, значимых для выражения культурной идентичности героев. Для Зулейхи и других членов этнокультурного сообщества, вынужденных покидать свои дома и наблюдать за их разорением, татарские на-

[10] В авторский словарь данное слово не включено. «Яга» – женская меховая одежда не только у татар, но и у многих северных и сибирских народов; шуба.

[11] В авторский словарь данное слово не включено. «Малахай» – меховая шапка народов Центральной Азии (конической формы с большими ушами).

[12] Vampire // Dictionary.com. URL: https://www.dictionary.com/browse/vampire (дата обращения 22.05.2020).

[13] Hag // The dictionary by Merriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/hag (дата обращения 22.05.2020).

звания предметов домашнего обихода и интерьера обладают особым смыслом. Они становятся символами прежнего уклада жизни: для людей важны не просто покрывала, занавески, платья, лавки, столы, а «каплау», «чаршау», «чыбылдык», «кульмэк», «сяке», «табан». При невозможности адекватного переноса этнических значений происходит потеря смысла и содержательного посыла, связанного с конкретным культурным контекстом. Это сопровождается «нормализацией» семантического поля ЛК, «покрывающей» нейтральный термин, принятый в других культурах и их лингвистических оформлениях. В англоязычном тексте «ситцевая чаршау» передается как *the printed cotton curtain* [Yakhina, 2019. P. 4], а «сяке» – *sleeping bench* [Yakhina, 2019. P. 20]. Национальные и социальные различия, представленные в одежде, «стираются» или исчезают в тексте перевода: «исподняя рубаха» и «кульмэк» [Яхина 2018. С. 16] становятся *nightshirt* и *smock* [Yakhina, 2019. P. 10] (при этом «кафтан» [Яхина 2018. С. 42] передается как *kaftan* [Yakhina, 2019. P. 36]).

Если в оригинале романа многие татарские слова, даже имеющие русский эквивалент, целенаправленно сохраняются автором для создания аутентичной атмосферы, то для англоговорящего читателя переводчик предлагает «облегченный» вариант. Г. Яхина намеренно не заменяет русским «занавеска» татарские слова «чыбылдык» и «чаршау», потому что в татарской традиционной бытовой культуре в их семантике заложены различия: *чаршау* разграничивает пространство жилого дома (а также отгораживает «женское» пространство в углу мечети [Яхина, 2018. С. 103]), а *чыбылдык* разделяет пространство постели – *сяке*, которую на мужской половине «полностью занял Муртаза» [Яхина, 2018. С. 26]. Оба типа занавесок не просто отделяют женскую территорию от мужской, но являются символом традиционной культуры, обозначают незыблемость ее устоев. Традиционный мир татарской семьи разрушается, когда при обыске в доме Муртазы «чужой» глумится над традиционными ценностями:

> Громкий треск материи – Мансурка срывает чаршау, отделявшую мужскую половину избы от женской, и довольно отряхивает ладони. Разбитые горшки, выпотрошенные сундуки, остатки кухонной утвари бесстыже открываются взору любого входящего. Срам какой [Яхина, 2018. С. 84];
>
> *There's a loud sound of fabric ripping – Mansurka is tearing down the curtain dividing the men's quarters from the women's, then he brushes off his hands, satisfied. The smashed pots, gutted trunks, and remainders of kitchen goods brazenly reveal themselves to the gaze of anyone entering. So disgraceful* [Yakhina, 2019. P. 77].

Религиозно-мифологическая картина мира главной героини сложна и включает в себя исламские и языческие (анимистические) верования. Лексика, используемая в романе для описания религиозно-духовных практик татарской этнической культуры, составляет более 30 % авторского словаря [Яхина, 2018. С. 505–507] и распределяется по двум типам полей традиционной лингвокультуры:

- ЛКП *исламских верований* (Имя бога («Алла»); названия религиозных праздников («Курбан», «Ураза»); ритуально-религиозные речевые формулы («Алла сакласын!», «Субхан Алла!»); названия религиозно-ритуальных предметов и элементов сакральных помещений («ляухэ», «михраб»); священные слова из Корана;
- ЛКП татарского *язычества и народной мифологии* (названия духов – «Басу капка иясе», «бичура», «зират иясе», «иясе», «пэри», «су-анасы», «шурале», «албасты»; речевые ритуальные формулы; названия мифологических персонажей – «аждаха», «дэв», «жалмавыз», «Убырлы карчык», «Юха»).

Наибольшую трудность как для русскоязычного, так и для англоговорящего читателя представляет лексика, используемая для описания языческих духовных практик и мифологии «третьей культуры». Переводчик достаточно полно раскрывает значение ЛМ, делая текст понятнее и доступнее читателю, например, во фрагменте, где Зулейха сравнивает процесс раскулачивания с деструктивными мифологическими персонажами:

> …тогда еще неведомая, но с каждым годом становившаяся все страшнее, как *албасты*, прожорливее, как *дэв*, ненасытнее, как *жалмавыз*, – продразверстка [Яхина, 2018. С. 47];

Everything had been unfathomable then and those raiding parties became more and more like wanton spirits with every year that passed, scarier than a demonic alabasty woman, as gluttonous as a giant evil dev, and insatiable, like Zhalmaviyz, the huge cannibal woman [Yakhina, 2019. P. 40].

Основой для создания ключевого символа романа – сказочной птицы Семруг (“Semrug”) – является ЛК, которая имеет почти полные соответствия во многих тюркоязычных культурах. Зулейха объясняет сыну: «Персы и узбеки называли ее Симург, казахи – Самурык, татары – Семруг» [Яхина, 2018. С. 399]»:

В этот миг они постигли суть: они все и есть Семруг. И каждая по отдельности, и все вместе [Яхина, 2018. С. 402];

In that instant, they grasped the essence – that they were all Semrug. Each individually and all of them together [Yakhina, 2019. P. 387].

Данный пассаж почти дословно переведен на английский язык, но при этом утратил прямой смысловой отсыл к русскому омониму «Семрук» (*Semruk*) (название поселения на берегу Ангары, где проживают репрессированные, в том числе и Зулейха с сыном, происходит от «семь рук» [14] и, как и ЛМ «Семруг», выражает идею единства и взаимопомощи людей).

В английском переводе *Sem’ Ruk* прежде всего соотносится с *Semrug*, и, когда это слово впервые появляется в тексте, у читателя возникают ассоциации сначала с ЛМ «Семруг» и дальнейшее объяснение названия практически не влияет на изменение семантического оттенка:

“Sem’ Ruk, named after your seven hands!” Konstantin Arnoldovich blurts into the closing window. “Because there are seven hands among the four of you” [Yakhina, 2019. P. 328].

Переводчик пытается раскрыть эту смысловую тонкость в другом фрагменте, акцентируя внимание на связи – *Sevenhands* → *Sem’ Ruk* → *Semruk* ↔ *Semrug*:

The typesetter at printing house doesn’t see the mistake and so a no less sonorous, albeit slightly altered name for the settlement – Semruk, for ‘Sevenhands’ – is entered into all the directories and maps [Yakhina, 2019. P. 329–330].

ЛК, выражающие религиозно-сакральные смыслы, при переводе требуют толкования. Традиционная татарская семья Зулейхи исповедует ислам, и героиня часто мысленно обращается с молитвой ко Всевышнему: «Спи, спи ради Аллаха»; «Слава Аллаху! Часть пути пройдена» [Яхина, 2018. С. 10] (“*Sleep, sleep, for Allah’s sake*”, “*Glory be to Allah, part of the journey has been made*” [Yakhina, 2019. P. 4]). Зулейха цитирует по памяти суры Корана на арабском языке: «Бисмилляхи рахмани рахим… <…> Альхамду лилляхи рабби…» [Яхина, 2018. С. 223]. В английском тексте романа цитирование суры отсутствует, а арабское «Алямин… Алямин… Аля…» [Яхина, 2018. С. 223] заменяется на *Amen… Amen…* [Yakhina, 2019. P. 214], понятное англоговорящему читателю, воспитанному в христианской культурной традиции.

Лингвокультуремы: передача социокультурных смыслов

В авторский словарь романа включены татарские слова [15], формирующие семантическое поле «традиционный социум» наравне с не включенными в словарь русскими лексемами, которые используются автором в тексте для описания социокультурных и историко-политических реалий. Эти слова, соответственно, выступают маркерами социокультурного и исторического времени, обозначающими: 1) традиционные отношения и ценности внутри семьи и в локальном этнокультурном сообществе; 2) социально-политические процессы в России 20–30-х гг. XX в. Социокультурная идентичность Зулейхи актуализируется в романе

[14] Название отражает общее число рук четырех основателей поселения, один из которых лишился руки.
[15] Они составляют 20 % объема словаря.

в процессе столкновения традиционных ценностей с новой социально-политической реальностью, и этот контраст в тексте оригинала выполняет сюжетообразующую функцию.

В соответствии с патриархальными нормами, главная героиня, не имея сыновей, находится на самой низкой ступени в иерархии татарской семьи: свекровь ее презирает и унижает, а муж подвергает насилию. Члены семьи не обращаются к ней по имени, называя бранными и негативно-оценочными словами: «лентяйка» [Яхина, 2018. С. 28] (*lazybones* [Yakhina, 2019. P. 20]), «мокрая курица» [Яхина, 2018. С. 7] (*the pitiful hen* [Yakhina, 2019. P. 7]). Свекровь, подчеркивая неполноценность невестки, называет ее «жидкокровой» (*Not like you, so thin-blooded* [Ibid. P. 23]) и «худокостной» (*Your family line is ending, wasting away, you thin-boned thing*"[Ibid. P. 23]).

Если слово «лентяйка» имеет прямой перевод на английский язык, то словосочетание «мокрая курица» при прямом переводе неизбежно потеряло бы пренебрежительные оттенки значения и не было бы понятно читателю, поэтому переводчик подбирает описательную интерпретацию и «мокрая» становится «жалкой»:

Мокрой курицей – *жебегян тавык* – ее впервые назвала Упыриха. Зулейха не заметила, как через некоторое время и сама стала называть себя так [Яхина, 2018. С. 16];

It was the Vampire Hag who first called her zhebegyan tavyk – pitiful hen. Zuleikha started calling herself this after a while, too, without even noticing [Yakhina, 2019. P. 5–6].

Традиция уважения к старшим и любви к детям (сыновьям) в татарской семье представлена на примере отношений Упырихи с Муртазой, что проявляется в их речевом поведении, в том числе в использовании татарской лексики с уменьшительно-ласкательным значением (например, *эни* [16] (*Eni*), *улым* [17] (*Ulym*), *жаным* [18]):

– Эни, – раздается низкий голос Муртазы. – Мама. <...> – Жаным, говорит она тихо, хриплым спросонья голосом. – Душа моя. Ты? [Яхина, 2018. С. 52];

"Eni." She can hear Murtaza's low voice. <...> "My darling," she says quietly, in a hoarse, half-awake voice. "Is that you?" [Yakhina, 2019. P. 45].

– Улым, – нарушает тишину Упыриха. – сынок. Чую, что-то случилось.

– Да, эни, случилось [Яхина, 2018. С. 52];

"Ulym", says the Vampire Hag, breaking the silence. I sense something's happened.

"Yes, Eni. Something's happened." [Yakhina, 2019. P. 46].

Если в тексте оригинала слово «эни» дублируется русским «мама», а «улым» – словом «сынок», то в переводе этого не происходит. Передача такого рода обращений с помощью транслитерации предполагает, что их коннотация будет однозначно восприниматься из контекста как *положительная*, а форма подачи создаст *этнический* колорит.

В некоторых случаях, несмотря на то что в оригинале употреблено русское слово «мама», переводчик использует *Eni* с целью акцентирования этнокультурных коммуникативных форм:

– Мама, мама… – Муртаза сжимает тело матери сильно и хватко, как борец кереш обнимает противника… [Яхина, 2018. С. 55];

"Eni, Eni…" Murtaza is squeezing his mother's body tightly, grasping, as a wrestler embraces an opponent… [Yakhina, 2019. P. 46] [19].

Мир татарской этносоциальной культуры с особой иерархией отношений, с уникальными коммуникативными практиками (в области не только повседневной, но и праздничной культуры), детерминированными традиционной системой ценностей, создан в романе при помощи и других лексем, включенных в словарь: «ага» (почтительное отношение к старшему

[16] В авторском словаре: «эни» – «мама».

[17] В авторском словаре: «улым» – «сын мой, сыночек».

[18] В авторском словаре: «жаным» – «душа моя».

[19] При этом переводчик «жертвует» словом из авторского словаря «кереш», выбрав более простой способ передачи этнического характера общения между героями.

мужчине), «абыстай» (супруга духовного лица), «калым» (выкуп за невесту), «туй» (праздник, свадьба), «кереш» (татарская национальная игра), «кыз-куу» («догони девушку», конная игра).

Значения многих татарских слов из этой группы переводчик объясняет в тексте, например:

> Там летом, когда играли в кыз-куу, Шакирзян только за мной и гонялся, как пес за течной сукой [Яхина, 2018. С. 54];
>
> That summer when we were playing kyz-kuu, and all the boys were chasing after the girls, Shakirzyan only came after me, like a dog after a bitch in heat [Yakhina, 2019. P. 47].

Некоторые значения татарских слов вообще не актуализируются: «борец кереш» – «as a wrestler embraces an opponent».

Социокультурная идентичность Зулейхи проявляется в мире, разделенном на «своих» и «чужих», граница между которыми проходит и внутри семьи, и по стране в целом: дихотомия действует на всех уровнях социально-политических отношений.

«Чужих» Зулейха именует «красноордынцами» (“*The Red Hordesmen”*). Это – обозначение для всех людей, которые вторглись в привычную, размеренную жизнь семьи и деревни, пришли, чтобы разрушать:

> Зулейхе сложно давались длинные русские слова, значения которых она не понимала, поэтому называла всех этих людей про себя – красноордынцами [Яхина, 2018. С. 49].
>
> *Mostly long Russian words with meanings Zuleikha didn't understand… so to herself she called those people the Red Horde* [Yakhina, 2019. P. 43].

В структуре слова «красноордынцы» (представители «красной орды») тюркское слово «орда», заимствованное русским и татарским языками, приобретает негативно-оценочную коннотацию: «нашествие, опустошение». В сознании Зулейхи представители новой власти соотносятся с теми, кто не имеет своего имущества и хозяйства, кто пытается с помощью физической силы и оружия разорить других людей, в частности, с Золотой Ордой Чингисхана, «чьи жестокие <…> эмиссары несколько столетий собирали дань в этих краях» [Яхина, 2018. С. 49]:

> *Her father had told her a lot about the Golden Horde, whose harsh, narrow-eyed emissaries collected tribute for several centuries in this part of the world and took it to their merciless leader Genghis Khan, his children, grandchildren, and greatgrandchildren. The Red Hordesmen collect tribute, too…* [Yakhina, 2019. P. 43].

Сравнение красных с золотоордынцами понятно читателю не только из исторического контекста, но и из подбора описательных средств. Параллели типа *the Golden Horde* ↔ *the Red Horde* и *merciless leader Genghis Khan* ↔ *The Red Hordesmen* в смысловом плане прозрачны для англоговорящего читателя.

У Зулейхи, жены зажиточного крестьянина, представители новой власти (*The Red Hordesmen*) ассоциируются с *нищими*, и она соответственно подбирает для них эпитеты в своем внутреннем монологе. Английский перевод предлагает *lowlifes* [Yakhina, 2019. P. 55], что в обратном буквальном переводе с английского на русский язык означает «человек с плохими привычками или сомнительным образом жизни; кто-либо, кто мало что из себя представляет в обществе» [20].

При отсутствии фоновых знаний у иноязычных читателей в переводном тексте семиотическая составляющая ЛК и ЛМ не может быть реализована в полном объеме, поскольку их информационная емкость зависит от объема знаний и культурного опыта читателя. Важную роль играют и социолингвистические факторы: использование в тексте таких субстандартных форм, как территориально-диалектные, социально-диалектные, или же, например, контаминированные формы (неправильная, неграмотная речь). Главная героиня не всегда может

[20] Low-life // CorrectEnglish.ru URL: http://www.correctenglish.ru/reference/slang/low-life/ (accessed 22.05.2020).

правильно воспроизвести неологизмы 20-х гг. XX в. и произносит, например, «*ящейки*» вместо «ячейки»:

Это проделки Мансурки-Репья и его нищебродов из *ящейки*, не иначе. Не раз они ходили по дворам, агитировали в *калхус*, ругались с народом [Яхина, 2018. С. 61];

This is no doubt the dirty work of Mansurka-Burdock and his lowlifes from the Party cell. They've walked from household to household more than once, agitating people to join the collective farm and arguing with them [Yakhina, 2019. P. 55];

или *калхус* вместо «колхоз»:

Мансурка сагитировал несколько человек в свою *ящейку* и встречался с ними по вечерам, что-то обсуждал. Устраивал собрания и горячо зазывал деревенских в товарищество со странным пугающим названием *калхус* [Яхина, 2018. С. 50];

Mansurka persuaded several people to join his own Party cell and meets with them in the evenings to discuss thing. He organizes gatherings and enthusiastically summons villagers into an association with the scarily named kolkhoz [Yakhina, 2019. P. 44].

Для русскоговорящего читателя слова «ящейка» и «калхус» не требуют толкования и являются важной *речевой характеристикой* героини, маркером ее социокультурного статуса, фонетических особенностей ее родной речи, показателем степени включенности в процессы обновления жизни. Однако в английском варианте текста они не могут быть воспроизведены, и осуществляется прямой перевод: «ящейка» → «ячейка» → «cell», «калхус» → «колхоз» → «the collective farm».

Картина мира главной героини романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» объемна и динамична. Благодаря многослойности ЛКП, автор раскрывает внутренний мир Зулейхи, наполненный образами и символами, культурными и религиозными мифами, обусловленный традициями сакральной и бытовой культуры. ЛК и ЛМ выражают этническое самосознание и являются маркерами двух типов идентичности – этнокультурной и социальной, которые вступают во взаимодействие в ментальном поле главной героини. С помощью ЛК автор: 1) «визуализирует» сознание Зулейхи, включающее традиционные представления о бытовом и религиозном пространстве, о воображаемых мифических (антропоморфных и зооморфных) существах; 2) передает ее отношение к миру природы и людей.

В процессе перевода на английский язык сложная иерархия концептуально-смысловых и образных пластов романа претерпевает различную степень трансформации. Внешний уровень повествования (фабула) и многие сюжетные линии «считываются» читателем вне зависимости от языка передачи. Общечеловеческие проблемы, представленные с помощью архетипов (борьба добра со злом, борьба за выживание, поиск и обретение любви, взаимоотношения отцов и детей, чудесное спасение и т. д.), вызывают отклик в сердцах людей вне зависимости от их речевого и социокультурного опыта. Внутренние уровни содержательной структуры (раскрывающие особенности социальных отношений и взаимодействий, специфику этнокультурного и религиозного укладов жизни, этнопсихологические установки), напротив, «зашифрованы» для иноязычного читателя. Восприятие и понимание ЛК и ЛМ доступно в полном объеме лишь носителю описываемой социальной, духовно-религиозной или этнической культуры, способному уловить смысловые нюансы.

Исходное название романа при переводе трансформировалось в *Zuleikha*, отчасти утратив глубокий философско-метафорический смысл, заложенный автором, для которого используемые в романе средства выразительности являются выражением форм концептуализации политического, социального и культурного развития общества. Метафора в названии произведения могла трактоваться слишком широко, поэтому переводчик намеренно ее опускает, ориентируясь на привлечение более широкого читательского круга.

Вывод

В переводе на английский язык книги *Zuleikha* национальный культурный колорит и этнокультурные ценности не исчезают, но становятся вторичными, при этом нивелируется

«интимность» и уникальность мироощущения героини. Особенности этносемантической рефракции обусловлены объективными факторами трансформации культурных смыслов при прохождении их через «матрицы» трех культур. Переводчик осуществила попытку иноязычной передачи лингвокультурных и лингвопсихологических особенностей текста в ситуации *полилога*, характеризующегося наличием трех языков (русского, татарского и английского), трех коммуникативных пространств, трех ценностно-концептуальных матриц. При переводе на третий язык исходные ЛК и ЛМ и заключенная в них этнокультурная информация в процессе семантической рефракции изменила функциональный потенциал, превратившись в фоновый элемент. В контексте англоязычной лингвокультуры *Zuleikha* является самостоятельным произведением, ориентированным на другую аудиторию (с учетом ее ожиданий, установок и ментальности), поэтому ЛК, ЛМ и ЛКП из смыслообразующих элементов содержания превращаются в фоновый этнокультурный элемент. При этом степень эффективности его воздействия сопоставима с оригиналом, поскольку Лизе Хейден удалось решить одну из ключевых переводческих задач: создать в другой лингвокультуре метатекст, релевантный исходному и в лингвистическом, и в концептуальном плане, а также сохранить элементы этнокультурного колорита и найти оптимальные способы передачи некоторых основных ЛК и ЛМ, выступающих маркерами духовно-религиозной и социокультурной идентичности героев.

Список литературы

Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2008. 336 с.

Елисеева Е. Б. Лингвокультурема как единица декодирования культурных смыслов при переводе художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-2 (21). С. 67–70.

Ибрагимов М. И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования (очерки). Казань, 2018. 104 с.

Кривцова Ю. П., Филиппова С. Г. Вербализация афганской мультикультурности в американском романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» (The Kite Runner) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 118–128.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 215 с.

Тростников М. В. Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 563–580.

Фефелов А. Ф. Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): Монография. Новосибирск, ИПЦ НГУ, 2018. 390 с.

Фефелов А. Ф. Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 4. С. 60–80.

Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 508 с.

Amineva, V. R. Phenomenon of Border in Interliterary Dialogues. *Journal of Language and Literature*, 2015, vol. 6, no. 2, p. 246–249.

Berlin, Isaiah. Soviet Mind: Russian Culture under Communism. Brookings Classics Publ., 2016.

Figes, Orlando. A people's tragedy a history of the Russian Revolution. New York, Penguin Books Publ., 1997.

Figuera, R. Critical cultural translation. *Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts*, 2016, vol. 2, no. 2, p. 195–219. DOI 10.1075/ttmc.2.2.02fig

Ganiyeva, R. K. Tatarskaya literatura: traditsii. Vzaimosvyazi [Tatar literature: customs. Connections]. Kazan, Kazan University Press, 2002.

Hosking, Geoffrey. The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within. Harvard UP, 1992.

Kazakova, T. A. Russian Literature in the 20th Century: English Translations the Problem of Cultural Context. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2016, vol. 9, no. 5, p. 1221–1231. DOI 10.17516/1997-1370-2016-9-5-1221-1231

Lewin, Moshe. Russian Peasants and Soviet Power (Northwestern University Press, 1968.

Moss, Walter G. A History of Russia. Anthem Press., 2005, vol. 2: Since 1855.

Nigmatullina, Yu. G. Tipy kultur i tsivilizatsiy v istoricheskom razvitii tatarskoy i russkoy kultur [Types of cultures and civilizations in the historic development of Tatar and Russian culture]. Kazan, Fen, 1997.

Remington, Thomas. Building Socialism in Bolshevik Russia. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1984.

Şebnem, Bahadır. The Task of the Interpreter in the Struggle of the Other for Empowerment: Mythical Utopia or Sine Qua Non of Professionalism? *Translation and Interpreting Studies. The Journal of the American Translation and Interpreting Studies Association*, 2010, no. 5 (1), p. 124–139. DOI 10.1075/tis.5.1.08bah

Service, Robert. A History of Twentieth-Century Russia. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.

Yakhina G. Zuleikha. Transl. from the Russian by Lisa Hayden. London, Oneworld Publ., 2019, 484 p.

References

Amineva, V. R. Phenomenon of Border in Interliterary Dialogues. *Journal of Language and Literature*, 2015, vol. 6, no. 2, p. 246–249.

Berlin, Isaiah. Soviet Mind: Russian Culture under Communism. Brookings Classics Publ., 2016.

Eliseeva, E. B. Linguo-cultureme as Unit of Cultural Meanings Decoding in Literary Text Translation. *Philology. Theory & Practice*, 2013, no. 3, part 2, p. 67–80. (in Russ.)

Fefelov, A. F. Ethnocultural Problems and Dilemmas of Translation (Criticism of Metaphorical Mind). Novosibirsk, NSU Press, 2018, 390 p. (in Russ.)

Fefelov, A. F. Semantics and Pragmatics of British and Chinese Cultural Interactions in Multimodal Text of a Documentary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 60–80. (in Russ.)

Figes, Orlando. A people's tragedy a history of the Russian Revolution. New York, Penguin Books Publ., 1997.

Figuera, R. Critical cultural translation. *Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts*, 2016, vol. 2, no. 2, p. 195–219. DOI 10.1075/ttmc.2.2.02fig

Ganiyeva, R. K. Tatarskaya literatura: traditsii. Vzaimosvyazi [Tatar literature: customs. Connections]. Kazan, Kazan University Press, 2002.

Hosking, Geoffrey. The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within. Harvard UP, 1992.

Ibragimov, M. I. National Identity of Tatar Literature: Contemporary Methods of Research (Essays). Kazan, 2018, 104 p. (in Russ.)

Kazakova, T. A. Russian Literature in the 20th Century: English Translations the Problem of Cultural Context. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2016, vol. 9, no. 5, p. 1221–1231. DOI 10.17516/1997-1370-2016-9-5-1221-1231

Krivtsova, Yu. P., Filippova, S. G. Verbalization of Afghan Multicultural Background in the American Novel by Kh. Hosseini "The Kite Runner". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 118–128. (in Russ.)

Lewin, Moshe. Russian Peasants and Soviet Power (Northwestern University Press, 1968.

Moss, Walter G. A History of Russia. Anthem Press., 2005, vol. 2: Since 1855.

Nigmatullina, Yu. G. Tipy kultur i tsivilizatsiy v istoricheskom razvitii tatarskoy i russkoy kultur [Types of cultures and civilizations in the historic development of Tatar and Russian culture]. Kazan, Fen, 1997.

Remington, Thomas. Building Socialism in Bolshevik Russia. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1984.

Retsker, Ya. I. Translation Theory and Translation Practice. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974, 215 p. (in Russ.)

Şebnem, Bahadır. The Task of the Interpreter in the Struggle of the Other for Empowerment: Mythical Utopia or Sine Qua Non of Professionalism? *Translation and Interpreting Studies. The Journal of the American Translation and Interpreting Studies Association*, 2010, no. 5 (1), p. 124–139. DOI 10.1075/tis.5.1.08bah

Service, Robert. A History of Twentieth-Century Russia. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.

Trostnikov, M. V. Translation and Intertext from the Point of View of the Science of Poetry. In: Semiotics: Anthology. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2001, p. 563–580. (in Russ.)

Vorobiev, V. V. Linguoculturology. Moscow, RUDN University Publ., 2008, 336 p. (in Russ.)

Yakhina G. Zuleikha. Transl. from the Russian by Lisa Hayden. London, Oneworld Publ., 2019, 484 p.

Yakhina, G. Sh. Zuleikha Opens her Eyes. Moscow, AST Publ.: Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ., 2018, 508 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
15.06.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Нестерова Ольга Александровна, доктор философских наук, профессор департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Olga A. Nesterova, Dr. Hab. (Philosophy), Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

onesterova@hse.ru
ORCID 0000-0002-3706-8020

Соколова Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

Elena N. Sokolova, Cand. of Sci. (Philosophy), Assistant Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

sokelnik1@mail.ru
ORCID 0000-0002-8302-4926